

Николай
СВЕЧИН

Завещание Аввакума

Охота на царя

Происшествия из службы
сыщика Алексея Лыкова

ФОТОГРАФИЯ

А. ПОССЕ.

Новый
Н. Новгородъ

Николай Свечин
Завещание Аввакума
Серия «Сыщик Его
Величества», книга 1

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=3147825

*Николай Свечин. Завещание Аввакума: Яуза, Эксмо, Литера; Москва;
2008*

ISBN 978-5-699-29028-4

Аннотация

Лето 1879 года. На знаменитую Нижегородскую ярмарку со всех концов Российской империи съезжаются не только купцы и промышленники, но и преступники всех мастей – богатейшая ярмарка как магнит притягивает аферистов, воров, убийц... Уже за день до ее открытия обнаружен первый труп. В каблуке неизвестного найдена страница из драгоценной рукописи протопопа Аввакума, за которой охотятся и раскольники, и террористы из «Народной воли», и грабители из шайки Оси Душегуба. На розыск преступников брошены лучшие силы полиции, но дело оказывается невероятно сложным, раскрыть его не удастся, а жестокие убийства продолжаются...

Откройте эту книгу – и вы уже не сможете от нее оторваться!

Этот роман блестяще написан – увлекательно, стильно, легко, с доскональным знанием эпохи.

Это – лучший детектив за многие годы!

Настало время новых героев!

Читайте первый роман о похождениях сыщика Алексея Лыкова!

Содержание

Глава 1	7
Глава 2	22
Глава 3	30
Глава 4	44
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Николай Свечин

Завещание Аввакума

«Я знал Санкт-Петербург, Москву, но мне еще не введом был Нижний Новгород. А можно ли жить, не повидав Нижнего Новгорода!»

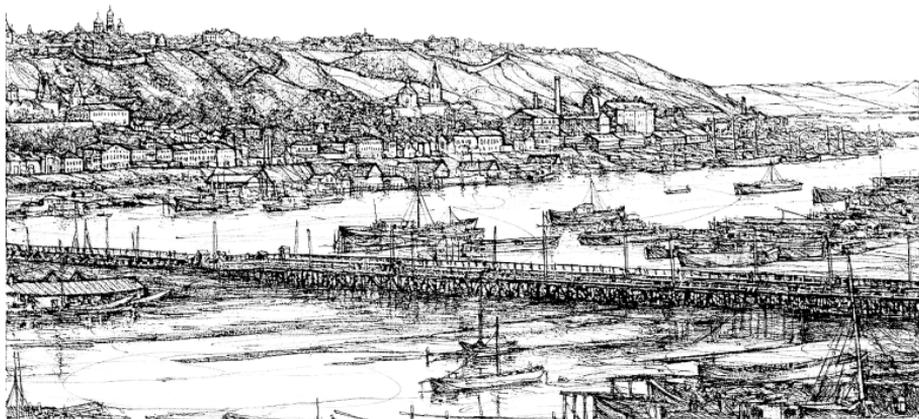
Теофиль Готье

В основе иллюстраций – фотографии видов Нижнего Новгорода *М. П. Дмитриева*, а также портреты, выполненные в фотомастерских различных городов России во 2-й половине XIX века (из коллекции автора).

Посвящается моему брату Александру.

Глава 1

«Мертвая тело»

Вид на Нижний Новгород с ярмарочной стороны.

Как известно, в Российской империи три столицы: славенный Петербург, первопрестольная старушка Москва и – нерусская, почти европейская Варшава. Но есть и еще одна столица, четвертая, которая становится таковой лишь на полтора месяца в году, с 15 июля по 25 августа. Это – Нижний Новгород, красавец град у слияния Оки и Волги. Город делает ярмарка, знаменитая, самая большая в мире по оборотам, самая населенная, самая шумная. Нигде такой больше нет. На эти полтора месяца население Нижнего Новгорода увеличивается в десять раз! За сезон по торговым рядам

проходит более пяти миллионов человек при коренном населении города в сорок пять тысяч! То-то раздолье...

Алексей Лыков встал как обычно, в семь, наскоро попил чаю, сделал силовую гимнастику, надел статское (почти уже привык) и побежал на службу. Жил он на Благовещенской улице, под монастырем, аккуратно напротив ярмарки, на правом берегу Оки. Втроем с матушкой и сестрой они снимали скромную четырехкомнатную квартиру в доходном доме купца Медведева. Алексей служил вот уже четвертый месяц помощником квартального надзирателя в Макарьевской части, в той самой, куда входят ярмарка вместе с Кунавином. Путь Лыкову на ярмарку лежал через плашкоутный мост, на другой берег Оки, где уже приготовили для торжественного открытия торгов арку и флачные башни. Завтра же 15 июля 1879-го года. Ярмарка откроется в шестьдесят второй раз.

Алексей манежным галопом, как выражался покойный батюшка, пересек наплавной мост, свернул налево, по длинной Александро-Невской улице добрался до Главного дома и не мешкая прошел в правый флигель, где помещалась полицейская часть. Успел за десять минут до развода, поздоровался с непосредственным начальником – квартальным надзирателем «чистого» 8-го квартала Ничепоруковым, с остальными девятью квартальными, их помощниками, сыскным надзирателем Макарьевской части Иваном Ивановичем Здобновым (покровителем и наставником) и стал во фронт перед клеенчатой дверью кабинета пристава.

«Сам» – пристав Львов – задерживался с выходом, о чем секретничал с прибывшим начальством. Скоро туда вызвали и Ивана Ивановича. Остальные полицейские, числом более пятидесяти, толпились в просторном приемном зале Макарьевской части, лениво переругиваясь и пересмеиваясь друг с другом. Лыков заметил, что все три помощника пристава (два из них, конечно, временные, на период ярмарки) мнутя у дверей начальства, и вид у них сконфуженный – не позвали! Что ж там за тайны такие?

Но вот дверь открылась, кто-то изнутри поманил пальцем постоянного помощника пристава, тот зашел и тотчас же вышел, скомандовав хорошо поставленным «фрунтовым» голосом:

– К разводу становись! Равняйся! Смир-р-р-но!

Сразу же появился частный пристав, натягивая перчатки, козырнул по-военному небрежно:

– Вольно! Слушай инструкцию.

Завтра ярмарка. Купцы и негоцианты съезжаются, товары все уже свезены; власти, таможня, банк, больница, полиция – все подготовлено. Начинается наша полуторамесячная баталия, спать будет некогда. Его превосходительство господин губернатор изволил вчера собрать совещание по вопросу охранения порядка на ярмарке. Нам с господином полицмейстером указано на вид, что в прошлом годе действиями полиции, и особенно нашей Макарьевской части, были серьезно недовольны. Двенадцать нераскрытых убийств!

(пристав поднял вверх указательный палец, обтянутый белой лайкой), более сорока грабежей! Тридцать две кражи со взломом! (он сверился по бумажке) и более ста покушений на личность!

Сделав значительную паузу и обведя всех строгим взглядом, пристав продолжил:

– Нижегородская ярмарка как магнит притягивает сброд со всех концов империи и даже из-за ее пределов. Мильен посетителей, и все богатые зеваки; понятно, что полиции трудно. Я пояснил это его сиятельству. Он понимает наши обстоятельства, но просит – слышите? Просит! – постараться. Генерал-лейтенант, граф и многих орденов кавалер Павел Ипполитович Кутайсов просит нас постараться. Он сам сегодня переезжает в казенную ярмарочную квартиру, в нашем же здании находящуюся, будет здесь вместе с нами дневать и ночевать, обещает всяческую поддержку. Кроме того, как вы знаете, к нам назначен временным генерал-губернатором граф Игнатьев, тот самый, знаменитый, и он уже выехал. С ним шутки плохи! Стыдно нам будет всем, если ударим мы в грязь лицом перед таким человеком. Стыдно. Тем более, мы вдвое в нынешнем годе увеличили штат помощников квартальных надзирателей, взяли толковую молодежь, некоторые даже с полным средним образованием, языками владеют и повоевать успели.

«Это ведь обо мне!» – понял Лыков и, точно, поймал на себе одобчительно-требовательный взгляд начальника.

– Всякое ворье беспременно наметилось к нам на ярмарку. Со всех концов собираются, некоторые уже наверное здесь и сегодня вам на улицах попадутся под видом честных обывателей. Надо их уметь отличить! Посему заслушайте внимательно сообщение надворного советника Благово, всем вам хорошо известного помощника начальника сыскной полиции.

Пристав Львов отошел в сторону, на его место встал седовласый, в возрасте уже мужчина в модном сером летнем сюртуке, с седыми же усами и цепким, каким-то особенным взглядом – провел по рядам и всех тотчас увидел.

– Прошу внимания! – негромко, как бы по-дружески сказал он. – Господин пристав важность задачи уже объяснил. Да вы и сами понимаете – новый генерал-губернатор скоро прибудет, особа знаменитая, турками даже весьма уважаемая, хочет, чтобы первая его, в роли губернатора, ярмарка прошла хорошо. Человек он серьезный, кричать не любит, но дело знает и видит всех насквозь. Такого начальника у нас никогда еще прежде не было, и то сказать – недолго в Нижнем и продержат, надо успеть постараться, пока в столицу не забрали эдакого орла. Опять же и перед обществом мы обязаны порядок соблюсти, нам за это государь жалованье платит. Так что приказ нам всем и просьба – постараться.

Теперь о жуликах.

Благово кашлянул в кулак и раскрыл папку, почтительно поданную ему Здобновым.

– Петербургское сыскное сообщает: выехал к нам в Нижний двенадцатого июля безуспешно разыскиваемый ими убийца и грабитель Осип Лякин по кличке Ося Душегуб, русский, тридцати пяти лет от роду, ростом два аршина десять вершков¹, цвет волос черный с проседью, глаза карие, взгляд тяжелый, властный, неприятный, усы черные, завитые книзу, на левой скуле шрам от чирья. Одевается купцом. Доказанно убил в Питере за 78–79 годы четырнадцать человек. По сведениям агентуры, был здесь на ярмарке о прошлом годе, уехал с добычей, наверняка и у нас кого-то порешил. Душегуб не только по кличке, но и по призванию, если позволительно так сказать. Страшный человек. Если кто его опознает – в одиночку и не думайте, зовите подмогу. Всегда носит с собою нож и кистень. Год назад убил пристава Литейной части Трегубова, пытавшегося его арестовать всего с одним городовым; городской тоже зарезан.

С ним, по-видимому, выехал его ближайший помощник Сашка Регент, русский, рост два аршина семь с половиной вершков², усы и бороду бреет, волосы русые, глаза голубые, лицо правильное, уши прижатые, особая примета – нет мизинца на левой руке. Тоже весьма опасен: хорошо владеет ножом, душит ремнем, очень ловок – был прежде цирковым акробатом.

Далее. Варшавское сыскное сообщает: к нам выехала шай-

¹ 186,5 сантиметра.

² 175 сантиметров.

ка взломщиков сейфов, где верховодит Владек Плотковский по кличке Блысковица, что сиречь Молния. Приметы: рост два аршина восемь вершков...³

...Алексей Лыков застыл в строю, на левом фланге, около своего квартального Ничепорукова, слушая вполуха и легко запоминая все сказанное городским сыщиком. Память у него была отменная – спасибо покойному батюшке, заставил ее развивать, и успешно.

Батюшка вообще много чего успел сделать для единственного сына, прежде чем умер: и мораль христианскую привил, и память развил, и силу значительную гимнастикой (первое время, признаться, из-под палки), и языки заставил учить серьезнее, чем в гимназии требовалось; также книжки читать поощрял, не как некоторые родители. Кроме того, сам по происхождению из мещан, выслужил он сыну и всем последующим потомкам рода Лыковых дворянство. Казалось бы, не велика птица – отставной подпоручик, но славный орден Святого равноапостольного князя Владимира с мечами и бантом получил. За шестьдесят третий год, за Польшу, где он остался единственным живым офицером в батальоне, с двумя пулевыми и штыковым ранениями. Алексей с тех пор не любил поляков, всегда помня, как они батюшкин век укоротили... Умер он всего год назад, сорока шести лет от роду, из-за простреленного панамы легкого, а Алексей даже на похороны не попал – сам валялся в госпитале в Геленджике,

³ 178 сантиметров.

тоже с пробитым легким. Здоровый турок попался, араби-станец (лучшее у них войско), борода до пояса, глаза безумные, чисто его кинжалом под сердце ткнул, когда они Столовую гору штурмовали. Спасибо другу, такому же пластуны Гиляровскому, необыкновенно сильному и ловкому человеку – из-за спины Алексея выпрыгнул, поднял арабистанца на штык и несколько шагов перед собой нес, как жука на булавке, а тот все пытался его кинжалом достать, пока не помер.

Алексей на секунду вернулся сознанием в зал, где Благово негромко, но очень отчетливо, не торопясь, чтобы лучше запомнили, читал:

– Одесское сыскное сообщает: исчез из города и, как похвалялся в ресторации, уехал в Нижний мошенник по бриллиантовой части Мойша Наппельбаум, сорока лет, усы и бороду бреет, кожа смуглая, прыщавая, лицо восточное, на жиде не похож, потому часто одевается армянином. Особая примета – слева сверху золотой зуб...

«Не забыть сказать Гаммелю... и про варшавских воров также», – подумал Алексей и снова нырнул в военные воспоминания – как вручали прямо в госпитальной палате Георгия, как, уже после окончания войны с пластунами, ловил он продавшихся туркам чеченов – братьев Алибековых, как рубился на саблях со старшим Алибековым и раскрыл ему череп, как младший потом с другими кровниками гонял Алексея по горам. Никому Алексей этого не рассказывал, особенно матушке с сестрицей, только иной раз за чаем, Иван Ива-

нычу Здобнову, чтобы совсем уж за мальчика не держал. Иван Иванович – матушке троюродный брат, он и привел Лыкова в полицию, когда тот, отлечившись от второй раны, уволился из Кавказской армии и, дома отдохнув, стал искать занятие.

– ...Покамест все, господа. Попробуйте запомнить, а письменно это все будет у господина пристава. Из перечисленных жуликов имеются на девятнадцать человек фотографические портреты; господ кварталных прошу подойти и получить, мы сделали на все кварталы десять кумплектов. У меня все.

Через несколько минут Лыков, распираемый молодостью, хорошей погодой и служебным рвением, походным шагом шел из полицейской части на свой восьмой квартал. Здобнов расстарался и квартал ему выхлопотал приличный: бриллиантчики, золотых и серебряных дел купцы, книготорговцы, парфюмерные и мануфактурные лавки. Покупатель здесь солидный, товар дорогой, работа чистая, но рисковая – не дай Бог, прошляпишь что у таких людей, никакой Здобнов не спасет.

Алексей увидел, что ему приветливо кивает вышедший из отделения банка как раз эдакий солидный господин в песочном сюртуке. Из-за его спины дружески махнул рукой огромный парень, без трех вершков сажень⁴, с кудлатой головой и прямоугольной челюстью. Это были московский ювелир Гаммель и его телохранитель Марк, по кличке Каланча.

⁴ 200 сантиметров.

Гаммель был еврей-выкрест, но не православный, а лютеранин; держал в Москве на Кузнецком престижный магазин с хорошими оборотами. Человек богатый, умный и в делах безукоризненно честный, как говорили все опрошенные уже Лыковым в его квартале ювелиры.

Алексей познакомился с этой парой второго дня, когда, проходя мимо кучки ювелиров, услышал отрывок интересного разговора. Четверо бриллианщиков со своими охранителями, как на подбор рослыми плечистыми мужчинами, слушали рассказ Гаммеля о том, как его Марк уложил по случаю в Москве двух «фартовиков», напавших на его хозяина при выходе с выручкой из магазина. Здоровяки и их хозяева трогали осторожно бицепсы Каланчи – он был на три вершка выше самого высокого из охранителей – и уважительно качали головами. Алексей не удержался и, хотя делать этого не стоило, встрял в разговор:

– Силен ты, парень! А дай силу твою померять, поручаться, можно?

Каланча хмыкнул презрительно, глядя с высоты на Лыкова, хоть и крепкого на вид, но комплекции не богатырской и росту среднего.

– Давай, Марк, поучи молодца, – тотчас же дал команду Гаммель. – Только аккуратней, руку не сломай.

– Ну держись, волга, – протянул Каланча Лыкову огромную ладонь. – До последнего не терпи, сразу кричи, а то я не рассчитаю силу-то.

– Не бойсь, – коротко буркнул Лыков и вложил свою ладонь в Маркову лапищу. Противники застыли в напряжении; захрустели костяшки пальцев, вокруг стояли ювелиры с охранителями и беззлобно подначивали противников.

Секунд через десять лениво-снисходительная мина на лице Каланчи сменилась недоумением, и он приналег во всю силу. Еще мгновение, и лицо его побелело, очень быстро покрылось мелкими капельками пота. Гаммель и прочие недоуменно наблюдали за ним. Лыков стоял спокойно, слегка улыбаясь и жал руку как бы шутя.

Неожиданно Каланча, охнув, упал на колени, и Лыков тотчас же разжал хват.

– Черт... здоровый... – пробормотал Каланча, со стоном раздирая сплюсненные побелевшие пальцы.

– Вы кто? – ошалело спросил Гаммель, быстро поднимая Марку с колен.

– Помощник квартального надзирателя вашего квартала Алексей Николаевич Лыков.

– Где вы так научились? И как вам это удастся? А кстати, позвольте вас угостить рюмкою портвейна, – скороговоркой выпалил Гаммель, и Алексей согласился.

В ресторане, где Марку приложили к кисти лед с ледника, Лыков виновато тронул его за рукав:

– Извини, земляк, долго не кричал, я и погорячился.

– Ништо, – бодро ответил тот, – мне наука – не хвались!

– Так как же это? – спросил Гаммель, отставив портвейн.

– Да на войне я этому научился, – скромно ответил Алексей. – У нас в команде пластунов был человек необычный, актер по ремеслу, Гиляровский его фамилия. Весь полк поборол, а там какие были геркулесы – о-го-го! Я единственный, кто продержался больше минуты. Ну, он и стал меня учить. Есть такая специальная гимнастика для мышц грифа, то есть пальцев и запястья. К концу кампании я с ним уже вничью ручкался и победил бы вскорости, да в госпиталь попал. Вот, тоже от него научился, – Алексей вынул серебряный пятиалтынный и без видимых усилий согнул его большим пальцем, зажав между указательным и безымянным. Собеседники его ошалело переглянулись, а Лыков так же легко сложил монету пирожком и кинул ее на стол. – Это малому на чай.

Новые знакомцы разговорились, Гаммель рассказал немного о себе и своем деле и все как-то присматривался к Алексею. «Что-то хочет», – понял тот и не ошибся. В конце беседы ювелир предложил помощнику надзирателя четвертной билет, сказав негромко:

– Возьмите, Алексей Николаевич, и, пожалуйста, не откажите в моей просьбе. Торговля наша особенная, убытки, случись что, многотысячные. Я здесь в четвертый раз, и каждый год кого-нибудь обворовывают. О прошлом годе взломали сейфы у Куприянова прямо в его магазине, ночью, а Гешэфтера нашли зарезанным, вместе с приказчиком. Боюсь я. Взяли бы вы на себя труд предупредить нас с Марком о

том, какие бандиты и мошенники сюда наведываются, вас, наверное, сыскное о том извещает. А я вам каждую неделю по «беленькой» за труды. Я у себя в Москве так работаю с полицией, и пока Бог хранит.

И Лыков согласился.

Завидев теперь ювелира с Марком, он дружески пожал хозяину руку, шутливо ткнул кулаком в бок телоохранителя (тот испуганно отшатнулся) и сказал:

– Новости есть, Абрам Моисеевич. Пока так послушайте, а завтра я вам в письменном виде это принес у.

И он по памяти, слово в слово пересказал то, что услышал от городского сыщика Благово о грабителях, взломщиках и ювелирных мошенниках.

Гаммель и Марк слушали внимательно и серьезно, понимаяще переглядывались. Особенно Гаммеля встревожили варшавские воры, славившиеся на всю империю умением «громить» сейфы при помощи специальных инструментов.

Когда Лыков закончил, Марк поежился и бережно прикрыл хозяина огромным плечом.

– Абрам Моисеич! Люди же видели, что вы из банка вышли. Это на тот случай, если за нами наблюдают... Пойдемте-ка быстрее в магазин, переложим деньги в сейф, вернее будет.

Алексей знал, что сзади под поддевкой у Каланчи засунут шестизарядный «веблей», а в правом сапоге спрятан нож. Кроме того, среди бела дня, в пятидесяти саженьях от поли-

цейской части... И тут же увидел неприметного человека, стоявшего к ним боком, но косившегося в их сторону. Заметив, что обнаружен, человек быстро зашел в соседнюю лавку.

Марк перехватил взгляд Лыкова, обернулся и успел увидеть профиль незнакомца.

– Во! – шепотом сказал он. – Вчерась он сидел в ресторане через два столика от нас.

– Я его запомнил, – тихо ответил Лыков.

– Быстрее в магазин, – заторопился Гаммель. – А вам, голубчик Алексей Николаевич, спасибо большое за доставленные сведения. Еще более благодарны будем, ежели завтра, как обещали, в записях это все доставите. И этого бы, серого... узнать, кто таков, почему вокруг вертится.

– Все сделаю, Абрам Моисеевич, – кивнул Лыков, и они разошлись.

Повернувшись, Алексей увидел далеко впереди быстро удаляющегося «серого», догнать его было бессмысленно, и он отложил незнакомца на ужо. А пока надо было продолжить обход.

Лыков пересек Царскую улицу и вышел на Главный бульвар, обошел «свои» ряды – Серебряный, Астраханские большой и малый, по Сибирской улице прогулялся до Пушкиного ряда и вышел к Обводному каналу, недавно переименованному в Бетанкуровский. Канал огромной подковой огибал территорию ярмарочного Гостиного двора. Параллельно ему была проложена подземная галерея, в которой по трубе

текла, перегоняемая из Мещерского озера, вода. Вдоль галереи стояли белые конусообразные киоски числом 20 – спуски в отхожие места, в которых также можно было и курить (вообще на ярмарке курить запрещалось). Галерею с канализацией построил еще Бетанкур шестьдесят лет назад, и она успешно работала до сих пор, служа одновременно пожарным резервуаром с водой; дважды в день открытием специальных шлюзов отхожие места промывались.

Не успел Лыков дойти до белого киоска, как из него сломая голову выбежал татарин в фартуке, по виду уборщик, и закричал тонким визгливым голосом:

– Палисия! Палисия! Суда шипка беги!

Алексей мигом подскочил и схватил кричащего за рукав:

– Я – полиция! Говори, что случилось? – и махнул вынутой из кармана полицейской бляхой.

Татарин посмотрел на бляху и на Алексея ошалелыми глазами и выдохнул:

– Мертвая тело!

Глава 2

След Аввакума

Самокатная площадь.

Тело мужчины, около 45 лет, чисто одетого, было спрятано в комнатухе, в которой татарин хранил метлы и веники. Через полчаса покойник лежал в секретном депо полицейской части, причем огласки при перевозке тела избежать не удалось; ярмарка уже потихоньку гудела и перешептывалась.

Пристав Львов заскочил, расстроенный, на минуту, посмотрел на убитого (дыра аккурат в сердце и орудия рядом

нет, ясно, что не сам) и сердито пробормотал, глядя на хмурого Ничепорукова и вытянувшегося рядом во фрунт Лыкова.

– Ярмарка только завтра, а первый покойник уже сегодня! Ну, спасибо, Ничепоруков! Уж от восьмого квартала никак не ожидал. Отличились, етит твою мать! Через полчаса доклад его превосходительству, то-то он обрадуется!

И убежал, схватившись за красивую ухоженную голову.

Ничепоруков расправил плечи, глянул с усмешкой на Лыкова:

– Эх-ма, Лексей, мы же с тобою и виноваты, что покойника нашли! Ну, начальство ушло, давай за работу.

Убитого уже осматривал полицейский врач Милотворжский. Лыков с квартальным подошли к телу, тут распахнулась дверь, и вбежал сыскной надзиратель Здобнов.

– Ага! – только и сказал он и присоединился к наблюдавшим.

Милотворжский зондом прощупал рану в груди убитого, потом осмотрел все тело, хмыкнул («особых примет нет») и обратился к Здобнову и Ничепорукову:

– Значит так. Нанесен один удар, острым предметом, в сечении трехгранным...

– Штык? – тотчас же перебил Здобнов.

– Нет, скорее, стилет, хотя и штык не исключается. Смерть наступила тотчас же – удар очень точный, бил человек опытный. Содержимое желудка сообщу вечером по-

сле вскрытия. Покойник мертв примерно с полуночи. Пока все! – и Милотворжский удалился, помахивая тросточкой.

Ничепоруков хмыкнул и молча, умело стал осматривать снятую с покойника одежду, передавая затем вещи сыщику. Здобнов так же молча срисовал в блокнот метку с пиджака и носового платка. Алексей стоял рядом, спокойно сознавая свою ненужность – он молодой, его дело учиться у старших. Скосив глаза на мертвое тело, он вдруг увидел то, чего не заметил доктор, и тронул за плечо Здобнова:

– Иван Иванович! Поглядите-ка на его ноги.

Здобнов отложил сюртук, глянул и аж крикнул:

– А ведь точно! Колченогий покойничек-то.

Ничепоруков прикинул пятерней:

– Так точно, Иван Иванович, левая нога на полтора вершка короче правой.

– Дай-ка, Алексей, его ботинки. Ну, вот, следовало ожидать – каблуки разные, левый каблук выше на те же полтора вершка. Вот и особая примета нашлась, теперь и опознать легче.

Тут Ничепоруков что-то выудил из брючного кармана убитого и выложил на стол; это была новенькая визитная карточка.

– «Вологожин Петр Никанорович, Ижевск, Успенская улица, собственный дом» – прочел Здобнов и недоверчиво хмыкнул. – Сомнительно как-то. Свои карточки по одной не носят, а сразу хоть с пяток. Потом – часов, документов, бу-

мажника нет, а визитная карточка имеется. Не заметили или подбросили, чтобы со следа сбить?

– Алексей, проверь в паспортном столе этого Вологожина, где его прописали, – скомандовал Ничепоруков, и Лыков полетел в канцелярию полицмейстера. Через четверть часа, когда квартальный с сыщиком как ни в чем ни бывало пили чай, он вернулся в секретное депо и доложил:

– Вологожин Петр Никанорович в паспортном столе не прописан. Прикажете подготовить запрос в Ижевск?

– Сам подготовлю, – отмахнулся Здобнов. – Что думаете, господа? Купец он или так, водки попить приехал, да арфисток пощупать?

– Купец должен прописаться... – подумал вслух Ничепоруков, отхлебнул чаю и добавил: – ... А по виду, однако, купец.

– Я тоже думаю, что купец, – веско сказал Здобнов. – Колченогий... И трехгранный стилет как будто где-то уже мелькал.

– Иван Иванович, – напомнил ему Лыков, который никогда ничего не забывал. – Сводка из Петербургского сыскного от семнадцатого июня. Сашка Регент убил стилетом совладельца ресторана «Додон», после чего, по непроверенным сведениям, скрылся в поволжских городах.

– Молодец, Алексей, – одобрил Здобнов, – сейчас, после твоих слов, и я вспомнил. Значит, Сашка Регент? Серьезный субъект. Ты все мечтал сыскную работу поглядеть – вот тебе

и подфартило.

Ничепоруков со Здобновым добродушно рассмеялись, Лыков хотел обидеться, но передумал. «Чем бы их подкузьмить?» – подумал он. – «Вот возьму сейчас и открою что-нибудь, чего они не заметили. Нашел же я особую примету, а и доктор, и они просмотрели».

Он стал перебирать одежду убитого, повертел карточку. Здобнов толкнул в бок квартального надзирателя, они добродушно и понимающе хихикнули. Не обращая на них внимания, Алексей взял левый ботинок и начал его пристально изучать. Утолщенный каблук. Только ли, чтоб не хромать? И для тайника удобно.

Он надавил сильно пальцами на каблук, и вдруг тот отъехал, как на полозьях, и в ладонь Лыкову выпал бумажный шарик.

Здобнов мигом соскочил со стула, навис над плечом, но шарик не взял. Алексей развернул бумажку – это был чистый лист папиросной бумаги; внутри него оказался какой-то с виду пергамент или просто изрядно пожелтелая четвертушка, и на ней – сильно выцветшие старославянские вкривь написанные буквы.

– Ну-ка, вспоминай гимназию, господин коллежский регистратор, – серьезно сказал сыщик. Ничепоруков тоже смотрел на Лыкова поощрительно, как бы говоря: давай, молодой, рой землю, твоя карта идет.

И Алексей стал медленно, с трудом разбирая буквы, чи-

тать: «Возлюблении чада мои их же аз люблю воистинну дружии прелюбезные... Аз сижу под спудом засыпан в Пустоозерье несть на мне ни нитки токмо крест с гойтаном да четки в руце... Предвижу конец мой близкий от никонианских последышей козней но... дерзаю со еретики братися до смерти по матери нашей святая Божей церкви. Молю вас грешный...», тут буква «п» в кружке... и конец фразы: «быю челом невсклонно...»

– Сейчас, Иван Иванович, я вспомню.

Лыков сел, обхватил голову руками, молча думал секунд тридцать. Потом встал и доложил:

– Судя по слогу, а также по упоминаемому в тексте Пустоозерью, рукопись может принадлежать перу протопопа Аввакума или одному из его сподвижников. Он провел в Пустоозерском остроге последние пятнадцать лет своей жизни и был там же и сожжен, кажется, в 1682-м году. В остроге, в земляной яме он много писал: мемуары, послания, религиозные сочинения. С ним вместе сидели еще трое – Епифаний, Лазарь, третьего не помню, и все они тоже много писали, но мне почему-то кажется, что это автограф Аввакума.

– Письмо или мемуар Аввакума. Хгм... Это он написал известные «Записки»? – спросил Здобнов.

– Точно так, Иван Иванович. Аввакум очень почитаем староверами. О прошлом годе, как писали «Московские ведомости», купец Викула Морозов купил неизвестный оригинал послания Аввакума княгине Урусовой за пятьдесят ты-

сяч рублей.

– Что ж. Возможно наш покойник и впрямь купец, староввер и собиратель церковных древностей. Да еще и колченогий. С такими приметамы мы его быстро опознаем.

Придя домой уже поздно вечером, Лыков поужинал с матушкой и сестрою, отмахнулся от их расспросов и ушел в свою комнату. Иван Иванович дал понять, что попросит пристава дать ему Алексея в помощь по сыскной части на все время ярмарки. Это было и лестно, и заманчиво. Лыков понимал, что романтики и демонических страстей в сыске намного меньше, чем в книгах Крестовского или графини Салиас – полтора года войны уже сделали из мальчика мужчину. Однако сыскная работа интереснее, чем помощником квартального шляться по торговым рядам. Ярмарка – гигантское предприятие, и для полицейской работы здесь огромное поле деятельности. Взять хотя бы знаменитые Самокаты – площадь на северо-востоке ярмарки с низкопробными народными увеселениями, куда полиция в принципе не совалась. Или не менее знаменитый «Кавказ» – остров на Волге, где месяцами обитали шайки убийц и грабителей, выходя по ночам на охоту. Зловещие «мельницы» – тайные игорные дома в Кунавино, контролируемые неуловимой бандой персов-душителей. Печально известный вертеп в Гордеевке, где в страшных для простого обывателя трактирах обретаются каждую ярмарку беглые каторжники. Притоны Кузнецова и Сушкина на той же Самокатной площади, в которых

торговали живым товаром – женщинами и даже малолетними детьми, в том числе для азиатских гаремов. Частенько исчезали купцы и всплывали потом весной в Мещерском озере. Все это Лыков знал, как знал весь город, отчасти по слухам, отчасти из рассказов Здобнова и Ничепорукова, и руки у него чесались влезть в это грязное варево и попытаться что-то переделать, да и сыскную карьеру свою укрепить. Была у него тайная дурацкая мечта стать начальником сыскной полиции...

И вот сегодня он немного отличился. Если затем они со Здобновым найдут убийцу – это серьезная заслуга в глазах начальства, тогда, возможно, Лыкова вообще переведут в штат сыскного отделения. Вот тут-то и начнется интересная жизнь...

Лыков поломал еще немного голову над тем, что надо сделать для завтрашнего розыска, хотя и понимал, что Здобнов все придумает за него и лучше него. Потом записал для Гаммеля сведения о варшавских ворах и ювелирных мошенниках, но спать все равно еще не хотелось. Тогда он взял наполовину разрезанный том записок Теофиля Готье о путешествии в Россию и просидел с ним до полуночи.

Глава 3 Ярмарка

Открытие ярмарки. Макарьевская часовня и флачные башни.

Ярмарка открылась, как водится, с архиерейского служения в Спасо-Преображенском соборе. По окончании литургии крестный ход торжественно, через всю ярмарку, через Главный дом прошел к Макарьевской часовне, перед кото-

рой искони стояли флячные башни. После молебна в присутствии губернатора, предводителя дворянства, городского головы, председателя ярмарочного комитета и прочего начальства помельче, ярмарочные флаги окропили святою водою и подняли. Толпа в несколько тысяч человек заревела, множество глаз было устремлено на флаги: как развернутся, так и пойдет ярмарка, в чью сторону потянутся полотнища, тем купцам будет хороший торг. Примета это старинная и верная: в 72-м году флаги дружно скосились на Пески, и точно, выгорела вся Сибирская пристань с миллионными залежами товаров, стоящая в противоположной Пескам стороне.

Полотнища развернуло на этот раз на Кунавино, раздался довольный гомон одних и разочарованное нытье других, и народ потихоньку разошелся по ярмарке. Пристав Львов рыскнул грозным взглядом на квартальных, те – на своих помощников, и полицейские степенно принялись обходить каждый свой квартал. Первый день работы ярмарки – 15 июля – самый тихий, торговля еще десять дней будет еле теплиться: приказчики не спеша подвозят с пристаней товар, раскладывают в лавках, лениво переругиваются. Хозяева или их представители с доверенностью появятся к 25 июля, ко дню святого Макария Желтоводского, когда будет второй крестный ход за благополучное ярмарки окончание. Вот тогда и начнется настоящая торговля; в иные дни на ярмарке, на площади 384 десятины, сходится одновременно до 300 тысяч человек! Двадцать пятого августа флаги спустят,

ярмарку закроют, но торговля будет еще вестись до 10 сентября, когда уезжают все правительственные учреждения и запираются все лавки. В многолюдном бутафорском городе остаются лишь караульщики да свиньи, которых гордеевские обыватели выпускают для съедания огромных гор накопленных за ярмарку объедков.

Алексей встал аккуратно между флачных башен, приосанился (хоть и был в статском), окинул взглядом величественную картину самого большого в мире торгового рынка.

Здесь иному читателю впору остановиться и пролистнуть, не глядя, последующие четыре страницы. Не всех заинтересует детальное описание ярмарки, а кому-то оно покажется затянутым. Но очень уж нам хотелось расписать те декорации, на фоне которых будут разворачиваться все последующие события! Что за спектакль без декораций? И еще – великая ярмарка ушла, исчезла, как Атлантида. Помянем ее хотя бы слабым нашим пером... Так что, читатель, реши сам.

У Теофиля Готье попалась ему вчера странная фраза – о том, что для описания Нижегородской ярмарки в цвете хватило бы лишь охры, жженой сиены, кассельской земли и битума. Слова эти были Лыкову незнакомы, но вызвали недоумение. Неужели для рассказа о таком величественном зрелище легкомысленному французу хватило бы четырех красок? Воистину нация верхоглядов и самодовольных дилетантов... Русскому оку тут было чем вдохновиться!

Алексей оглянулся. Позади него, отделенные затоном, находились знаменитые Пески – большой остров на Оке, также входящий в ярмарочную территорию и соединенный с ней двумя мостами. На Песках продается в Железном-Сибирском ряду уральское железо в больших оборотах. Торговля железом – одна из важнейших на ярмарке и определяет цену на него по всей России. Огромные партии металла сгружают здесь с судов, взвешивают и по конно-железной дороге отвозят на Московский вокзал. Выше по Оке – также весьма примечательные рыбные ряды. Здесь не продохнуть от запаха рыбы, а остров с обеих сторон уставлен коломенками (берут до 20 тысяч пудов груза) и гигантскими баржами, в которые грузят по 120 тысяч пудов! Здесь же, на Песках – длинные Шорные ряды, затем Овсяные и Кошемные, а также Мучной, Мясной, Зеленый и Сычужный ряды. Еще остров знаменит холодными кузницами, где из привезенного железа и жести выделывают ведра, заслонки, выюшки и прочий подобный товар. Славятся Пески и русскими харчевнями, в которых угощают почти исключительно пельменями; лучшая из них – заведение Абелекова, которое спорит по качеству кухни с самим Никитой Егоровым, наипервейшим на ярмарке ресторатором.

Вверх по обоим берегам Оки и в затоне тесно сгрудились суда, облепили густо Петербургскую, Гребневскую, Моли-товскую и Финляндскую пристани, составив огромный город на воде. Еще больший по размеру город – за Стрелкой, вверх

по правому берегу Волги, где раскинулась на две версты никогда не отдыхающая Сибирская пристань.

Справа от Лыкова виднелась вдали красная громада собора Александра Невского. Собор уже построен и покрыт белой жестью, три года ведутся отделочные работы и росписи и еще столько же, говорят, пройдут.

Повсюду вокруг и сзади собора тоже ряды – Ложкарный, Колокольный, Проволочный (здесь царствуют исключительно жители нижегородского села Безводное); громадные корпуса наполнены сырейным товаром (то есть сырыми кожами, торговля которыми одна из важнейших на ярмарке) и выделанными кожами, по большей части из города Богородска. Здесь же площадь, где закупают свой товар офени. Еще правее, у самой оконечности Стрелки, где Ока сливается с Волгой – два озера: Баранцево и Круглое (которое вовсе не круглое), а у самой кромки воды – парходные конторы: Гусева, Бородина, Тарышкина, фон Мекка и других.

Не доходя до собора, упирается в берег Оки самый длинный в России плашкоутный мост, по которому Алексей по утрам ходит на службу. Мост ежегодно наводится заново, длина его – 376 и $\frac{1}{2}$ сажени⁵, ширина – 7 сажений⁶. Ночью середина моста раздвигается для пропуска судов. Справа от моста – ряды Железный Ярославский, Железный Нижегородский, Стекланный, Варежный, Рукавичный, Валеночный

⁵ 802 метра.

⁶ 15 метров.

и Щепной.

Как бы продолжением от моста идет на север Нижегородская улица, в середине которой – знаменитый ярмарочный театр, так называемый Большой (Малый находится возле мечети), и трактир Ермолаева, высший шик для купечества средней руки. По обеим сторонам улицы – ряды: справа – Напиточные (восемь больших корпусов, насквозь пропахших кизлярской водкой), слева – Старый Москательный, Бакалейный, Хомутные. Между Нижегородской улицей и Главным домом – тоже ряды: Иконный, Табачный, Тулупный и Бакалейный, а также длинная Мебельносундучноподносная линия. Корпуса все добротные, из красного кирпича: после того как в 1874 году правительство стало передавать ярмарочные помещения купцам из аренды в собственность, очень оживилось каменное строительство.

Еще выше, если идти от театра к Мещерскому озеру – Башкирский и Экипажный ряды, снова Сырейные и – мечеть. Здесь начинается Азиатская часть. Огромный Караван-сарай забит персами, армянами, бухарцами, хивинцами, кокандцами, ташкентцами, а также разными мелкими кавказскими народами. Торговля идет персидским и закавказским товаром: рис, изюм, сабза, миндаль, фисташки, орехи, а кроме того, хлопок, кашемировые шали, каракуль, волчьи, лисьи и куньи шкуры, шелк-сырец и шелковые ткани, олений рог, багдадские шерстяные платки, москательный товар

(индиго, марена, канцелярское семя, чернильные орешки⁷). Торгуют персидскими коврами и в лавках вокруг мечети, да еще по всей ярмарке расхаживают персы, в высоких мерлушковых шапках и с коврами на плечах. Здесь же множество татарских харчевен, постоянные дворы, азиатские бани с самым гнусным развратом (куда полиция не ходит), в Караван-сарайе – временные ярмарочные гаремы.

На севере Азиатской части, по берегам Мещерского озера и Малого канала – знаменитые «макарьевские кухни», где готовят для мелкого купечества, приказчиков и прочих сидельцев. По всей ярмарке снуют веселые разбитные бабенки с судками на коромыслах. В лавках разводить огонь запрещено, даже чаю не попьешь, вот вся невзыскательная братия и кормится из этих судков за 15–20 рублей в месяц.

За Малым каналом на своего рода острове – знаменитая Самокатная площадь. Это самое шумное место на ярмарке, где в разгар торгового постоянно толкается простой народ, снуют продавцы квасу, сбитня и пирогов с печенкой, гремят турецкие барабаны, визжат расстроенные скрипки, хрипят флейты, кричат балаганные зазывалы. Собственно самокаты представляют собой двухэтажные дощатые сооружения, где внутри второго этажа середина зала вращается, уставленная скамьями, деревянными конями, каретами. На конях едут подростки, в каретах – подгулявшие мещане и купчики со

⁷ Чернильные орешки – наросты на листьях дуба, содержащие дубильные вещества; использовались для приготовления чернил.

своими пассиями, а на скамьях шпалерами – проститутки, сплошь красивые молодые девушки в платках и ярких платьях, на любой вкус. Тут же в зале – подобие театральных подмостков, где разыгрываются народные пьесы: «Падение Гуниба», «Взятие Шамиля», «Атаман Гроза» и тому подобные шедевры. В углу – стойка с бутылками всех мастей, за стойкой ражий бородатый детина с самой зверской физиономией, хозяин заведения. По зале расхаживает охрана – три-четыре обезьяноподобных громилы, которые выкидывают наиболее буйных пьяных прямо со второго этажа на песчаный двор. Возле самокатов – трактиры с номерами, окружающими своеобразной галереей собственно питейные заведения. Такое соседство строжайше запрещено законом, но полиции на Самокатной площади не бывает, поэтому в номерах идет скоротечный разврат, причем желающие уединиться стоят в очередь, перешучиваясь.

Клиенты побогаче занимают отдельные номера в самих трактирах, где к их услугам уже не дешевые девки с самокатов, а арфистки, каскадные певицы и специальный трактирный персонал – все девушки не старше 19–20 лет и очень красивые. Здесь разврат отъявленный, без каких-либо рамок и приличий, на любой вкус, включая самый извращенный. Наиболее шикарный – трактир Кузнецова, возле канала. Трактир «держат» персы-душители во главе со зловещим Али-Бером: по ночам они охраняют самую крупную на ярмарке «мельницу» (тайный игорный дом), беря за это комис-

сию. В номерах Кузнецова каждый сезон исчезает бесследно несколько богатых купцов: говорят, у него на службе состоит особый фармацевт, составляющий одурманивающие смеси, лишаящие человека сознания, а то и жизни...

Между самокатами и трактирами разбросаны другие заведения: «механический театр», показывающий сценку «Шествие папы Пия IX», балаган с «прекрасной альбиноской» и двумя карликами, кабинет восковых фигур, зверинец Крейцберга, стереоскопическая галерея Патюэля, какая-то «Циклограмма», «выставка профессоров италийской живописи» с эротическими рисунками, «Планета счастья с механической пушкой», фотографические кабинеты, бородастые женщины, комедиантские балаганы, «факиры прямо из Индии», «тибетские целители, возвращающие мужскую силу всего за один сеанс» и прочие чудеса.

Если же перейти от самокатов через Обводный-Бетанкуровский канал, то окажешься в Гостином дворе – центре старейшей ярмарки, застроенной еще самим Монферраном. Этот центр и разворачивался сейчас перед Лыковым. Прямо перед ним, между флачными башнями, возвышалась Макарьевская часовня, в которой на время ярмарки помещается старинная чудотворная икона Макария Желтоводского, список 1620-го года с оригинала, хранящегося в Унженском монастыре.

Позади часовни – Главная площадь, образованная восемью двухэтажными угловыми корпусами. В корпусах распо-

ложены ряды: Часовой, Меняльные, Оружейный, Зеркальный, Шляпный-Московский, Фруктовые, Бумажный, Овощные большой и малый. Все корпуса опоясаны крытыми галереями с чугунными колоннами.

Запирает Главную площадь (125×30 сажен)⁸ Главный дом, продолженный с двух сторон флигелями; перед ним – один из двух ярмарочных фонтанов. На верхнем этаже дома помещаются начальник губернии и комендант ярмарки; под ними – канцелярия губернатора, клуб и ресторация. В цоколе расположены самые шикарные магазины – косметические и галантерейные, торгующие екатеринбургскими изделиями из камней и шелковыми тканями, а также коврами. В центральной зале, на деревянной эстраде играет по вечерам военный духовой оркестр. С шести до десяти часов вечера по зале гуляет публика, делает покупки, слушает музыку, знакомится, к одиннадцати почти все стихает.

На подъезде, выходящем на юг, к Оке – масса извозчиков, ибо это главный въезд в город. На противоположной стороне Главного дома – знаменитая кондитерская Мишеля, которой столько же лет, сколько и ярмарке.

В левом (западном) флигеле – ярмарочная контора, почтовое отделение и гауптвахта, в правом (восточном) – полиция, аптека, биржевой зал, контора банка и часть пожарной команды.

Если выйти из Главного дома на север, куда извозчиков

⁸ 266×64 метра.

не пускают, окажешься на бойком месте. Справа – открытое летнее кафе, единственное место на ярмарке, кроме ресторанов, где можно курить; оно всегда забито чиновниками из Главного дома и евреями-маклерами, ищущими гешефта. Перед бульваром толкаются люди с ваксой и свечами, мальчишки с газетами, татары с мылом, продавцы пряников и квасу, кокотки, приезжие помещики с женами и дочками, спокойные англичане, развязные румыны и неизбежные персы с коврами.

От Главного дома идет на север бульвар, упирающийся в Спасо-Преображенский собор, также обязанный своей красотой Монферрану. Справа и слева по обеим сторонам бульвара – знаменитый Гостиный двор: 48 корпусов, расположенных в 12 линий по 4 корпуса в каждой. В одном корпусе – 42 лавки, внизу купцы торгуют, а наверху живут. Лавки открываются уже в 6 часов утра. Ряды имеют свои исторически сложившиеся названия: слева – Галантерейный, Серебряный, Книжный, Фарфоровый и Хрустальный, Пушные, Шляпный-Нижегородский, Астраханский и Ярославский, Армянские ряды (это все и есть лыковский квартал), справа – Суконные, Суровские, Чулочные, Панские розничные и гуртовые, Игольные Ярославский и Московский, Шуйский-Бухарский, Лоскутный и Кафтанный ряды.

Здесь тон задают московские и иванововознесенские мануфактуристы, самые богатые и влиятельные люди на ярмарке; наибольшие обороты делаются в этих рядах, а куплен-

ные здесь товары расходятся от Северо-Американских Соединенных Штатов (ежегодно закупают ровно миллион аршинов холста ручной выделки) и до Китая (куда, правда, охотнее всего увозят российскую звонкую монету).

Корпуса разделены одиннадцатью линиями с юга на север и тремя улицами с востока на запад; улицы имеют 6 сажень⁹ ширины, а бульвар – 15¹⁰. На бульваре стоят помповые колодези. В конце бульвара, перед собором, живописно расположились четыре корпуса Китайских рядов, с крышами под пагоды и китайскими болванами на фронтонах. Здесь раньше была через Кяхту большая чайная торговля; с появлением кантонского чая она уменьшилась, и опустевшие было лавки тут же заняли всеильные мануфактуристы.

Все это пространство огромной дугой огибает Обводный канал с четырьмя проезжими мостами и двумя пешеходными.

Справа за каналом – мечеть (она и объединяет Азиатский квартал), слева – Армянская церковь. Там же слева, в сторону Кунавина и железнодорожного вокзала – последние ряды: Ваточный, Пушной, Мурашкинский-Меховой и Васильевский пестрорядинный. Между ними и церковь – лучшая на ярмарке ресторация Никиты Егорова, ниже – постоянные дворы, кухни и казачий двор, где стоят ежегодно вызываемые на ярмарку оренбургские казаки.

⁹ 13 метров.

¹⁰ 32 метра.

Вот и вся ярмарка!

Алексей обошел несколько раз свой квартал, заглянул к соседям, рассказал Ничепорукову анекдот о князе Меншикове. Все было тихо, почти ничего не говорило об открытии знаменитого торга. Приказчики раскладывали товар в лавках, широкоплечие татары в белых войлочных шляпах затаскивали тюки с телег вовнутрь. Татары, весьма уважаемые купечеством за честность и трудолюбие, обслуживали все лавки на ярмарке; русские работали только грузчиками на Сибирской пристани.

Бойко шла первая торговля только лишь в модных лавках (нижегородцы приехали «с горы»), да у мебельщиков и посудников – многочисленные ярмарочные трактиры запапались стульями, столами да тарелками, что побьют потом пьяные купцы.

От скуки Алексей зашел к Гаммелю. Тот как раз проводил до дверей барыню в белом кринолине; по выражению лица ювелира Лыков понял, что барыня ничего не купила.

– О, Алексей Николаевич! – обрадовался Гаммель гостью, – мы с Марком только что вас поминали. У Никиты вчера говорили – мертвое тело нашли?

И ювелир ловко вытащил из рукава и положил на прилавок перед Алексеем десятирублевую ассигнацию.

– Нашли, – так же ловко смахнул ее в карман Лыков, – но опознать пока не можем. По виду купец. Левая нога короче правой, но каблуки выровнены, значит, он не хромал. Усы и

борода небольшие, на вид 45 лет, ростом с меня. Зубы белые, не курил, возможно, старовер.

Тут вдруг Лыков увидел, как Гаммель с Марком осторожно переглянулись. Эге... надо запомнить.

– Фотопортрет обещали завтра, как получу, зайду, покажу, – закончил Алексей и спросил небрежно: – Не ваш клиент, Абрам Моисеич?

– Э, какие у нас клиенты, торговля еще не началась, – в тон ему ответил ювелир, но Алексей в зеркало увидел, как стоящий у него за спиной Каланча перекрестился и беззвучно прошептал молитву.

Вышел Лыков от Гаммеля сильно задумчивый и направился в часть искать Здобнова. Нашел его на съезжей, где тот тряс какого-то золоторотца из первого урожая. Иван Иванович сказал Алексею, что сыском они займутся завтра, а сейчас надо идти следить за порядком, и тот послушно вернулся в свой квартал.

День завершился обыденно.

Глава 4

Лякинские ребята

Ярмарочные торговые ряды.

На следующий день, в 11 часов пополудни Лыков со Здобновым, вооруженные фотографией убитого неизвестного лица, пошли в лавку Большакова, что у трактира Бубнова, недалеко от Обводного канала. Здесь собирались старообрядцы, и сюда для них свозили старопечатные и рукописные книги и

дониконианские иконы. Оборот у Большакова был большой, но подпольный, а лавка являлась своего рода тайным клубом поповцев Рогожского кладбища – самого мощного толка староверов, законно существующего аж с 1771 года. Все это Иван Иванович объяснил Алексею по пути.

В лавке Большакова они застали, кроме хозяина, двух аванажных бородатых купцов в дорогих сюртуках и одного, помоложе, в куцем модном пиджаке.

– Бог в помощь, Сергей Тихонович! – зычно поздоровался Здобнов; при их появлении разговор в лавке сразу смолк и повисла тишина.

– Иван Ивановичу наше почтение, – тенорком ответил Большаков. – Чем могу помочь полиции?

При этих словах купцы молча развернулись и собрались выходить, но Здобнов аккуратно, но твердо попридержал их:

– Прошу прощения, господа хорошие, но вы мне тут на карточку гляньте. Знакома ли вам эта личность?

Здобнов передал купцам фотографический портрет неизвестного, сделанный в полицейском морге. Большаков вышел из-за прилавка и тоже стал разглядывать карточку. Минуту было слышно лишь сопение; полицейские внимательно вглядывались в лица староверов.

Лыкову сразу стало ясно, что убитый был им всем известен. Молодой капиталист в пиджаке аж побледнел, хотел что-то сказать, но сосед крепко наступил ему на ногу и тот притих.

– Нет, этого господина никто из нас не знает, – сказал за всех самый важный из купцов, глядя при этом на молодого; потом бесцеремонно отодвинул Здобнова плечом и молча вышел из лавки. Во всех его повадках сквозила уверенность «большого человека». Остальные двое послушно следовали за ним.

Здобнов хотел что-то сказать им в спину, но промолчал, постоял немного, словно выжидая, затем кивнул хозяину и тоже вышел на улицу.

В сажени от лавки стоял и смотрел в другую сторону молодой купец. Здобнов шагнул к нему и вполголоса сказал:

– Я вас слушаю.

– Я... – в смущении обернулся парень, – я, собственно, ничего... а впрочем, вы правы. Я знаю этого человека. Но здесь говорить неловко; давайте встретимся сегодня в восемь вечера на углу Пожарской и Пушной набережной. Прощайте!

И он быстро ушел.

– Клюет, – удовлетворительно кивнул Здобнов и вынул часы. – Пока хватит. Ты иди сейчас в свой квартал, а без пяти восемь будь, где сказал купчик, и при оружии. А я пойду доложу Павлу Афанасьевичу, господину Благово.

Лыков с трудом дотерпел до вечера. Уже в семь часов взял в оружейной комнате служебный «смит-вессон» образца 1872 года, засунул сзади за брючный ремень и начал прохаживаться по Пушной набережной вдоль канала. Без пяти

восемь подошел Здобнов. Они встали под навес крытой галереи, чтобы не маячить на виду, и простояли так до девяти. Купец не пришел.

Раздосадованный Лыков сдал револьвер, попрощался с Ничепоруковым и Здобновым и ушел домой.

Утром следующего дня их конфидент нашелся – лежал на Сибирской пристани, засунутый между двумя цибиками с кожаным чаем¹¹, с трехгранной раной в сердце.

Пристав Львов рвал и метал: через два дня приезжает грозный генерал-губернатор Игнатьев, а у них уже два трупа. Здобнову было приказано «вылезти из кожи вон, но к приезду убийцу предоставить». Лыкова официально открепили от квартала и назначили помощником сысского надзирателя Макарьевской части, то есть он стал сыщиком!

– Держись, Алексей, теперь все шишки наши, – сказал ему умудренный Здобнов. – С этих обалдуев какой спрос? Их дело в свисток свистеть, а жуликов с нас будут спрашивать.

Поиск убийц усилился. К полицмейстеру вызвали на беседу тех двух купцов, что были вчера в лавке Большакова вместе с покойным (их имена нехотя назвал хозяин лавки). Одним из них оказался сам Арсений Иванович Морозов, хозяин огромной Богородско-Глуховской мануфактуры, второй – туз помельче, но тоже козырный – коммерции советник Иван Александрович Найденов, совладелец торгово-

¹¹ Кожаный чай – привезенный по суше (привезенный морем назывался камышовым). Цибик – большой тюк с чаем, зашитым в шкуры мехом внутрь.

го дома «А. Найденов и сыновья», а также брат знаменитого Николая Найденова, председателя Московского торгового банка и Московского биржевого комитета.

Оба купца ответили на крайне вежливо заданные им вопросы очень скупно (Лыкова, как мелкую сошку, к участию вообще не допустили, а Здобнов присутствовал бессловесно; он и рассказал Алексею о том, как шла беседа). Да, вон тот полицейский показывал им карточку какого-то человека, им не известного. Нет, они все трое не опознали личность на карточке. Молодой их товарищ, что ночью погиб – Яков Прохоров, сын одного из совладельцев (Алексея Яковлевича) Трехгорной мануфактуры, хороший парнишка. Они уже отбили телеграмму отцу, тот скоро приедет. Нет, Яша тоже ничего не знал и знать по молодости не мог; он на ярмарке всего второй раз, они его опекали и делу учили. Знакомств у Яши своих еще нет, кого он там мог узнать, упокой Господи его душу...

Беседа на этом и закончилась, купцы ушли.

После этого в кабинет допустили Лыкова. Совещание вел сам полицмейстер генерал-майор Каргер; присутствовали надворный советник Благово, пристав Львов, а также Здобнов и Лыков.

Здобнов доложил о ходе розысков, о встрече в лавке Большакова и о короткой беседе с Яковом Прохоровым на улице; высказал убеждение, что все трое купцов узнали убитого на фотографии. Благово и Львов сошлись во мнении, что тут

явно какая-то купеческая, а может, и староверческая тайна, а значит, правды от купцов не добьешься и надо заходить с другого конца.

Благово умело вел беседу, направляя незаметно даже Каргера. Алексей видел, что он на голову выше всех в сыске, многоопытный Здобнов и тот слушал его с напряженным вниманием.

– Итак, господа, – говорил Благово, – что мы имеем? У нас есть некоторые факты, давайте построим логическую цепь. Убит неизвестный, в каблуке у которого господином Лыковым (благосклонный кивок в сторону Алексея) обнаружен первый лист старинной рукописи, предположительно связанной с Аввакумом.

Рукопись Аввакума привлекательна не только для староверов, она может быть предметом продажи, интересным любому богатому коллекционеру. Однако за такое до сих пор еще не убивали... Коллекционеры – люди хоть и чокнутые, но тихие, с бандитами не водятся. Поэтому я склоняюсь к староверам.

Дело в том, что купец, только что вышедший отсюда – Арсений Иванович Морозов – является тайным руководителем Рогожской общины. Человек он весьма влиятельный. По имеющимся у меня агентурным данным, все старообрядческие толки возбуждены появлением какой-то архиважной рукописи, предлагаемой к продаже. Деньги за нее просятся продавцом огромные, чуть ли не двести тысяч. Думаю, что с

этой рукописью и связано наше убийство. Лист, найденный в каблуке убитого, скорее всего, своего рода торговый образец.

И, наконец, у нас два трупа с одинаковым ранением стилетом, что очень напоминает почерк Сашки Регента. Если в это дело ввязались Регент и его патрон Осип Лякин по кличке Ося Душегуб, значит, у нас серьезные проблемы.

– Что же нам делать? – спросил полицмейстер.

– Позвольте, – приподнялся Львов. – Предлагаю усилить режим на ярмарке и в городе, раздать всем городским фотографические портреты Лякина и Регента, активизировать агентуру.

– Я переоденусь мазуриком и потолкаюсь в трактирах и на «мельницах», – предложил Здобнов.

– Только осторожнее, Иван Иванович, – предупредил Каргер, – тебя там каждая собака знает. Без хорошего грима ни шагу.

– А я, ваше превосходительство, – осмелел Лыков, – обойду Пески с фотографией убитого неизвестного, опрошу прислугу в пельменных.

– Почему именно в пельменных?

– Вот, – Алексей вынул из кармана лист бумаги, – записка от полицейского врача Милотворжского по итогам вскрытия. Убитый ужинал в пельменной, а они у нас все на Песках.

– Разумно, – согласился Каргер. – Вы, господин Благово, назначаетесь ответственным за это дело. Я начинаю готовить

отчет для графа Игнатьева, его сиятельство прибывает завтра. Держите меня в курсе дела. За работу!

Алексею повезло уже в третьем заведении – пельменной Тимофеева. Показав угрюмому хозяину бляху, он велел привести ему по очереди всех половых, которые работали днем 14 июля. Первый же малый, рыжий разбитной ярославец, опознал по карточке клиента.

– Знакомая нам личность, – уверенно сказал он. – Были у нас четырнадцатого, обедали с каким-то солидным господином. Господин этот не в первый раз на ярмарке, говорили, что он ювелир. По виду еврей, а по манерам – немец, аккуратный, чистенький. С ним еще огромный охранник был, сидел за другим столиком, но глаз с хозяина не спускал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.